

Консервативная революция

Мих. Лифшиц на уроках Гегеля

История — великая поэтесса, пишущая свои трагикомедии железом и кровью.

Мих. Лифшиц

Как многие диалектические натуры, Лифшиц любил парадоксальные формулировки. Дабы сделать «наш материализм вполне современным», он предлагал взять урок у давно усопших идеалистов — Платона и Гегеля. Давайте посмотрим, чему же именно материалист Лифшиц хотел научиться в школе абсолютного идеализма.

Главная тема урока истории — революция. И самого себя, и Гегеля Лифшиц называл «сынами революции». Для него, как и для Гегеля, революция стала тем «первопереживанием» (Urerlebnis), с которым каждая личность входит в сознательную жизнь. Вся остальная жизнь, весь жизненный уклад — это лишь оболочка, ряд наслоений, скрывающих «первоначальное ядро». Такое представление о формировании личности Лифшиц вычитал у «представителей школы Дильтея» — вероятно, не без наводки со стороны выпускника этой школы Георга Лукача.

Лифшиц «материализует» дильтеевский взгляд, толкуя личностное ядро как «функцию или рупор определенной ситуации, определенных обстоятельств»¹. Под этими словами наверняка мог бы подписаться Гельвеций, но едва ли — Маркс, учитывая его знаменитую поправку к созерцательно-материалистическому взгляду на человека («обстоятельства изменяются людьми»)². Не обстоятельства как таковые, но изменяющая их *практика, общественный труд* создает «ансамбль общественных отношений» — личность. Марксист Лифшиц наотрез отказывается ставить «деятельную сторону» (die tätige Seite) во главу угла и принимать

МАЙДАНСКИЙ Андрей Дмитриевич — профессор Белгородского государственного университета, доктор философских наук.

Ключевые слова: М. А. Лифшиц, Гегель, революция, патос, термидорианство, резиныция, идеальное, советская философия, марксизм.

¹ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. М.: Искусство-XXI век, 2012. С. 19–20.

² См. Маркс К. Тезисы о Фейербахе (текст 1845 года) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 42. С. 262.

«праксис» за субстанцию и субъект человеческого бытия, а тем более — за первооснову идеального, как «истины бытия» вообще.

Отсюда проистекает и кардинальное отличие в прочтении Гегеля Лифшицем и Марксом. На уроках Гегеля Маркс учился «схватывать *труд* как *сущность*, как удостоверяющую себя сущность человека»³. Лифшиц же хочет научиться у Гегеля совсем другому — отыскивать идеальное где угодно, повсюду в мире, независимо от человека, человеческого труда и от «деятельной стороны» вообще. Даже при исследовании истории общества понятию труда отводится у Лифшица второстепенная роль. Он предпочитает «материализовать» Гегеля на манер Белинского, передавая властные полномочия Мирового духа — «патосу», за которым стоит объективная сила исторической ситуации, некой мозаики жизненных «обстоятельств».

«Когда наш замечательный критик XIX века Белинский искал пути к материализму от своего первоначального гегельянства, он заменил понятие “идея” понятием “патос”. Эта категория на более старомодном языке представляет собой именно то, что хотели выразить исследователи дильтеевского направления своей формулой “первичное переживание”»⁴. «Под именем патоса Белинский имел в виду нечто реальное, некую сильно действующую на чувственную организацию художника объективную силу, вдохновляющую его»⁵.

Вот и на революцию Лифшиц смотрит «патетическим» взором художника и философа, а отнюдь не «практическим» глазом экономиста. Неудивительно поэтому, что Великая Октябрьская революция у него так тесно сближается с Великой французской. Сходные «обстоятельства» и общий революционный «патос» оттесняют на второй план формационные различия двух революций. В обычном марксистском представлении они различны по своей общественно-экономической природе, так сказать, классово противоположны: французская революция была буржуазной, а русская — пролетарской. Лифшиц же подчеркивает и прослеживает их *сюжетно-драматическое подобие*. Этим для него обусловлена и современность Гегеля: «Между тем периодом, когда жил и мыслил Гегель, и современностью есть известное сходство. Как и тогда, почва, на которой воздвигнуто здание собственности и порядка, колеблется от подземных толчков»⁶.

Разумеется, Лифшиц не забывает о разнице: если Гегель был очевидцем революционного утверждения буржуазного миропорядка, то теперь мы видим революционный кризис капитализма, его предсмертную судорогу. Современными гегельянами движет стремление спасти его от крушения, сплотив все силы буржуазного общества для противостояния

³ «Er <Hegel> erfasst die Arbeit als das Wesen, als das sich bewährende Wesen des Menschen» (Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Ergänzungsband, Erster Teil. Berlin: Dietz Verlag, 1990. S. 574).

⁴ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 69.

⁵ Лифшиц М. А. Очерки русской культуры (Из неизданного). М.: Наследие : Фабула, 1995. С. 113.

⁶ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 67.

бродячему призраку коммунизма: «Вместе с английскими экономистами, которых он изучал на пороге XIX столетия, Гегель признает развитие капитализма неизбежным и в то же время без малейшего прикрашивания изображает противоречие между богатством и бедностью, неукротимую анархию производства и все отрицательные черты цивилизации. <...> Напротив, современные гегельянцы — настоящие апологеты буржуазного миропорядка, противники нового, более высокого общественного строя. Их сходство с Гегелем есть сходство начала и конца»⁷.

В Советской России дела с пониманием гегелевской философии обострялись еще плачевнее: «от нее осталась только некая схема логических категорий»⁸. Криминальная повесть о том, как система Гегеля «душит метод» (при этом несчастная диалектика еще и «стоит на голове») входила в обязательную программу любого марксистского учебника философии. А термин «идеализм» сделался позорным клеймом и излюбленным ругательством в устах «красной профессуры». На философском Олимпе верховодил ученик Плеханова А. М. Деборин, инициировавший издание собрания сочинений Гегеля. В редакционном вступлении к первому тому дана суровая партийная оценка гегелевскому Предисловию ко второму изданию «Малой логики»: «...оно имеет очень отдаленное отношение к логике и носит по существу чисто богословский характер»⁹. Вследствие чего редакция передвинула неблагонадежное Предисловие в самый конец тома. А главный советский читатель Гегеля Ленин и вовсе «выкидывал боженку».

Внимание Лифшица в сочинениях Гегеля приковывали совсем иные вещи, прежде всего — «историческая диалектика». Никто больше ею в те годы у нас не интересовался (да и на Западе она только начала входить в моду: в Париже приступал к чтению лекций о Гегеле и «конце истории» Александр Кожев). Деборина Лифшиц характеризовал как «человека безвкусного и лишенного всякой оригинальности», а созданный им и его учениками диамат — как «род катедер-марксизма»: «Гегель в освещении Деборина и его школы был малоинтересным, абстрактно мыслящим школьным философом. <...> Наш интерес к Гегелю носил совершенно другой характер. Для нас в учении немецкого мыслителя важно было его реальное содержание и глубоко трагическое отношение к событиям Французской революции и послереволюционной эпохи. Все это имело много общего с теми проблемами, которые стояли перед людьми, стремившимися осмыслить громадные исторические перемены, совершавшиеся в наши дни»¹⁰.

Как Ленин «советовался с Гегелем» перед принятием важнейших политических решений в разгар Мировой войны и перед поворотом от «военного коммунизма» к новой экономической политике, так

⁷ Там же. С. 68.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть I: Логика // Он же. Сочинения : в 14 т. М.; Л.: Госиздат, 1929—1959. Т. 1. С. X.

¹⁰ Лифшиц М. А. На доело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 84.

Лифшиц ищет в трудах немецкого философа логику постреволюционного развития культуры. С художественно-эстетической точки зрения развитие это *трагично*. Каждая великая революция есть великая трагедия, суть которой Лифшиц описывает шекспировским «the time is out of joint» («распалась связь времен»). Отсюда гегелевский лейтмотив: конец истории, конец искусства и самой философии... Подобно Гегелю, Лифшиц бьется над гамлетовской сверхпроблемой: «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить?» (*перевод Б. Л. Пастернака*).

«Мы ничего другого не можем сделать. Но если мы сделаем это, мы сделаем все и будем достойны своей роли, своей миссии. Повсюду порванные нити! Даже внутри самого революционного движения, чья задача до некоторой степени состоит в том, чтобы порвать старую нить... Разве сталинщина — это не разрыв революционной нити, хотя эта нить, как уже было сказано, сама предполагает разрыв? Разрыв в искусстве, разрыв нравственный, разрыв в теоретическом мышлении. Всюду “одни концы”. Да где они? Дайте их, чтобы можно было их связать»¹¹.

Свою миссию Лифшиц видел в том, чтобы вплести лучшие нити прежней, дореволюционной культуры в новую ткань революции. Его заветный девиз — «Великое восстановление истины старой культуры без ретроградных идей»¹². Он любил повторять слова Герцена: грядущая революция должна стать «силой хранительной», а не только лишь «мечом рубящим», как того требовал анархист Бакунин. Нанося удар старому миру, революция должна спасти все то, что в нем достойно спасения, бережно сохранив все «немешающее, разнообразное и своеобычное. Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту», — восклицал Герцен¹³.

* * *

В глазах Лифшица Октябрьская революция была столкновением двух «патосов»: анархической «страсти к разрушению» — с «хранительной силой» Герцена. Такой взгляд имеет мало общего с материалистическим пониманием истории, но очень родствен гегелевской «Феноменологии духа».

Лифшиц видит в истории драму идей и страстей, не вдаваясь в серьезный анализ стоящих за ними производственных отношений и не пытаясь выводить формы общественного сознания из условий экономической жизни людей в духе марксова анализа «фетишизма товаров». В работах Лифшица мы встречаем, самое большое, апелляции к «реальной жизни», «практике», «общественному бытию» плюс указания на «классовые корни» тех или иных идей. Ровно так же обстоит дело и с его прочтением Гегеля.

¹¹ Лифшиц М. А. *Varia*. М.: Grundrisse, 2010. С. 99–100.

¹² Лифшиц М. А. В мире эстетики. М.: Изобразительное искусство, 1985. С. 297.

¹³ Герцен А. И. К старому товарищу // Он же. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1985–1986. Т. 2. С. 536.

Лифшиц столь сильно жаждет вписать все творчество Гегеля в контекст Великой французской революции, что местами сбивается в тональность вульгарной социологии, которую сам и разоблачал. Вместо *выведения* тех или иных идей из конкретного анализа истории революции он *сводит* эти идеи к некоему абстрактному «принципу». Редукция вместо дедукции, без серьезного, самостоятельного исторического исследования. Так, в беседе с Ласло Сиклаи Лифшиц заявляет: «“Большая логика” Гегеля является системой категорий, которую Гегель ясно представлял себе как развитие “нового принципа”, утвержденного Французской революцией»¹⁴.

Здесь, конечно, вспоминается хрестоматийная метафора «алгебра революции». Только у Герцена речь идет не о политической революции, а об освобождении человеческого духа от старых, отживших мифов «мира христианского»¹⁵. Лифшиц же говорит о *преднамеренном, текстуальном* воплощении революционного идеала в «Большой логике». Отсутствие прямых доказательств такого умысла в работе Гегеля вынуждает Лифшица прибегать к изощренной экзегезе. Он ссылается на Предисловие к первому изданию «Науки логики», в котором речь идет о закате, крушении (Untergang) старой метафизики и формальной логики, учиненном наукой и «общим человеческим рассудком» (der gemeine Menschenverstand). Гегель ратовал там за сохранение и переработку содержимого этих философских дисциплин в «диалектическом разуме». Поистине, нужна пылкая любовь советского интеллигента к чтению между строк, чтобы усмотреть в этом Предисловии разговор о Великой французской революции.

Поиски революционной подоплеки «Науки логики» начались еще в ранней статье Лифшица «Эстетика Гегеля и диалектический материализм» (1931). Старая логика, говорится там, представляла собой «систематизацию» феодально-патриархальных порядков (античный, полисно-демократический первоисток формальной логики Лифшиц проигнорировал). Новым принципом общественного бытия становится *противоречие* — столкновение противоположных интересов, классов, и проистекающие отсюда «общественные антагонизмы». Сама жизнь требовала новой логики, теории возникновения и разрешения противоречий — диалектики.

«Категории логики — это формы, в которых отвердевает раскаленная лава революционных событий», — утверждает молодой Лифшиц¹⁶. Ну а молодой Маркс, со своей стороны, видел в категориях гегелевской логики «деньги духа» или «абстрактное мышление», отчужденное от природы и человека¹⁷...

¹⁴ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 85.

¹⁵ «Философия Гегеля — алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя» (Герцен А. И. Былое и думы // Он же. Сочинения. Т. 2. С. 195).

¹⁶ Лифшиц М. А. О Гегеле. М.: Grundrisse, 2012. С. 62.

¹⁷ См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 42. С. 156.

Лифшиц всячески подчеркивает неприятие Гегелем абстрактной революционности и «дурной», лишенной всеобщего содержания новизны. Не голое отрицание, но *конкретное снятие* всех накопленных Мировым духом богатств, — такова генеральная установка философии Гегеля. Ни один другой философ не осуществил данный принцип с такой последовательностью и полнотой. Этот урок Гегеля Лифшиц выучил назубок.

Однако выводы, к которым привел Гегеля анализ судеб революции, коммуниста Лифшица устроить не могли. Для Гегеля революция — пройденный этап, поучительный урок, который мировому духу больше нет нужды повторять практически. С окончанием ее наступает эпоха синтеза, примирения старой и новой форм жизни духа: «Таким образом, философия Гегеля является теоретическим оправданием останковки революционного процесса на буржуазном его этапе, утверждением новой, устойчивой системы взамен утраченной во время революции. <...> Сама по себе революция представляет, с точки зрения Гегеля, только *фурию исчезания*¹⁸. С точки зрения международного опыта Гегель ясно сознает себя философом послереволюционной, *органической* эпохи и считает всякую попытку *возобновления* и углубления революции обращением вспять. Отсюда его отрицательная оценка июльских дней 1830 года»¹⁹.

Связать разорванные «концы» истории Гегелю не удалось, утверждает Лифшиц. Примирить пролетариат с буржуазией — дело абсолютно невозможное. История поставила в повестку дня новую, пролетарскую революцию, которая призвана раз и навсегда покончить с классовыми противоречиями — учредить общество без классов и разбить машины эксплуатации человека человеком — такие, как рынок, церковь и государство. Доказать это теоретически доведется лишь Карлу Марксу. Гегель же, решив, что революция себя исчерпала и свершился финальный синтез, впал в «резиньяцию» и возвестил о конце истории. «В силу своего исторического положения, в силу патоса, стоявшего за гегелевской философией, в ней был неизбежен мотив исторического крушения, катастрофы, капитуляции перед стихийным ходом исторического процесса, но с оговоркой и при условии, что эта капитуляция перед стихийным, несущим в своем чреве громадное количество жертв, расточением миллионов жизней историческим процессом была единственно возможной ценой за понимание необходимости исторического подъема в форме капиталистической, буржуазной цивилизации»²⁰.

* * *

Таков критический вывод, сделанный Лифшицем на уроке истории у Гегеля. Посмотрим теперь, как ученик справился с домашним заданием: какими философскими узлами Лифшиц вязал нити истории, порванные

¹⁸ Выражение из «Феноменологии духа»: «die Furie des Verschwindens».

¹⁹ Лифшиц М.А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 63—64.

²⁰ Там же. С. 99.

пролетарской революцией в октябре 1917 года, а затем еще раз — во времена сталинского «большого скачка»?

Первым делом бросается в глаза тональность его писаний на эту тему. Глубокое смирение и терпимость, воздержание от каких-либо резких жестов и, тем более, обвинительных резолюций — даже когда речь идет о неволе и гибели миллионов простых людей. Какой резкий контраст с филиппиками Лифшица против модернистского искусства, с насквозь пропитанными презрением и сарказмом «анализами» путевых заметок Мариэтты Шагинян, личности Солженицына, эстетических изысканий Гулыги и прочими «очерками по истории пустозвонства»!

Марксу подобные контрасты не были свойственны. Его критика действительности, «общественного бытия», не уступает в жесткости и остроте критике идеологических «испарений» материальной жизни людей. Лифшиц отлично знал, как нетерпим был Маркс к коммунизму уравнительному, «грубому и неосмысленному», несмотря на то, что видел в нем «необходимую форму и энергический принцип ближайшего будущего»²¹. И вот теперь, когда это «ближайшее будущее» настало, что и как о нем пишет марксист Лифшиц? Исследовал ли он новые экономические отношения людей — экономический «базис» советского общества? Нет. С высоты его «эстетического» взгляда на мир различимы в лучшем случае «принципы» и «патосы» общественного бытия.

В размышлениях над историей Страны Советов Лифшиц демонстрирует резиньяцию почти евангельской глубины. Тут он сам мог бы преподавать Гегелю урок. Девизом своего толкования истории революции Лифшиц избрал слова Пушкина «Понять необходимость и простить оной в душе своей». Часто их повторял. Он был готов понять и простить своей матери-революции буквально все, включая кровь, ложь и ужасы сталинизма. Этот путь революции не был ошибкой, уверяет он. Альтернативы, по сути, не было: «Есть глубокое основание, не ошибка какая-нибудь, не просто замысел злодейский чей-нибудь в этом, а тяжкий противоречивый ход истории, сознание отсутствия альтернативы... Дальнейший подъем страны мог совершаться только ужасным, иррациональным, варварским путем, в котором переплетались черты великого энтузиазма и темной энергии»²².

Божество революции не могло миновать Голгофы: се Человек — распни, распни Его! Нельзя воскреснуть, не умерев. Лагерный труд, террор и океаны лжи — такова жестокая цена, которую История заставляет платить за грядущий ренессанс человеческой личности. Социалистической революции Лифшиц отпускал все грехи, великодушно прощал их как необходимое зло. Мол, ничего не поделаешь, такова *иррациональная логика* истории — «простим оной в душе своей». А вот в искусстве он лжи не терпел. От художника он требовал правды, одной только правды и ничего, кроме правды.

²¹ См. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. С. 127.

²² Лифшиц М. А. Очерки русской культуры. С. 234.

Один его ученик подробно рассуждает о том, как Лифшиц оценивал сталинский «термидор»²³. Но основная мысль философа ясна и не нуждается в комментариях: термидоры типичны исключительно для *буржуазных* революций. «Революция социалистическая раз навсегда устраняет возможность термидора», — категорически, со ссылкой на авторитетное слово Ленина заявляет Лифшиц²⁴. Так что напрасно Арсланов записал Лифшица в одну компанию с самим собой, Троцким и другими теоретиками «сталинского термидора».

Могут возразить, что Лифшиц писал те строки, пытаясь спасти себя и своего друга Лукача от расправы в 1940 году. Такую возможность не стоило сбрасывать со счетов, если бы Лифшиц не оставил нам многочисленных, ясных как божий день характеристик сталинской «*революции сверху*». Ее исторические (буржуазные) аналоги, по Лифшицу, — «плебисцитарная империя Луи Бонапарта и цезаризм Бисмарка», добавим сюда японскую «революцию Мэйдзи» тех же примерно лет. Все это — именно *социальные революции*, а вовсе не контрреволюции, не «термидор».

Термин «революция сверху» Лифшиц позаимствовал у Энгельса. Охотно использовал этот термин и Сталин для описания «крутого поворота» 1929 года. «В знаменитом “Кратком курсе” говорилось, что ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации была революцией сверху при поддержке снизу. Элемент “революции сверху” был во всех общественных движениях конца 30-х годов. Отличие от Октябрьской революции несомненное»²⁵.

Особо подчеркнем, что Лифшиц не считает это отличие свидетельством останковки революции, а тем более ее поворота вспять. Нет, он видит в Сталине *продолжателя* дела Октябрьской революции. Его политику в деревне поддержали и провели в жизнь крестьянские дети Октября «в гимнастерках и кожаных куртках». Их отцы экспроприировали помещиков, ну а дети взялись за отцов. Такова железная логика революции. «Все подгасовано», — как любили повторять вслед за аббатом Галиани Дидро, Герцен и Лифшиц.

О сталинском «термидоре» говорят поверхностные умы, неспособные видеть мощнейший всеобще-уравнительный «патос», который вдохновлял и восставший народ в семнадцатом, и «хунвейбинов тридцатых годов». Благодаря ему коллективизация только и могла быть практически осуществлена: «Разве этот разгром был бы возможен без жадного уравнительного раздела помещичьей земли, без уравнительной волны октябрьских времен. Разве он не был его продолжением? <...> “Революцией сверху”, как говорит Сталин в “Кратком курсе”, но все же революцией, воплощением уравнительно-всеобщего начала»²⁶.

²³ См. Арсланов В. Г. Проблема «термидора» 30-х годов и рождение «теории тождеств» // Михаил Александрович Лифшиц, М.: РОССПЭН, 2010. С. 338—366.

²⁴ Лифшиц М. А. Почему я не модернист? М.: Искусство-XXI век, 2009. С. 368—70.

²⁵ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 91.

²⁶ Лифшиц М. А. Varia. С. 104.

Приверженцами и идеологами революций сверху были, в большинстве своем, французские просветители. Вольтер опасался подъема народной стихии, фанатичных и отсталых в культурном отношении масс. История дает все основания для опасений: с античных времен восстания черни всегда заканчивались жестокой тиранией какого-нибудь демагога. В ответ на эти доводы марксист Лифшиц замечает, что революции сверху, не опирающиеся на революционную самостоятельность масс, оставляют нетронутым ядро старых порядков — казенную государственность, — как это хорошо видно на примере «социальной системы» Гольбаха. Народным массам не стоит питать иллюзий относительно навязанных сверху благодеяний. (Весьма актуальная и сегодня ремарка — не правда ли?)

Начатая Сталиным сверху, «урavnительная революция» 1930-х годов привела в движение огромную часть народа, открыла массам новые возможности образования и новые горизонты социальной активности. Лифшиц расценивает эту революцию как «громадный шаг в будущее» и призывает «судить о таких грандиозных явлениях <...> только с исторической точки зрения, а не с точки зрения формальной целесообразности и домашней морали»²⁷. Новая форма революционности представляется ему более универсальной и конкретной в сравнении с революционностью 1920-х, пытавшейся навязать обществу свои абстрактные идеалы и шедшей вразрез с реальным многообразием и полнотой жизни. Тем не менее в общем и целом Лифшиц оценивает сталинскую эпоху как «реакционную», при всем ее «прогрессивном содержании». Присовокупляя к данной оценке свое персональное «увы». Противоречиво, но факт. Главное — революция продолжается.

Остается решить философский вопрос о том, как быть в сложившейся ситуации честным мыслителям и художникам. Что делать, когда мало что можешь поделать? Лифшицу был по душе совет Томаса Манна: нужно привыкнуть к тому, что привыкнуть к этому нельзя. Трагическое осознание несовершенства жизни, неодолимой ограниченности своей эпохи, порождает особую философскую резиньяцию, буквально сочащуюся из сочинений Гете, Пушкина, Бальзака и всех тех, кого Лифшиц звал «великими консерваторами человечества». Не предаваясь утопическим грезам и не ища утешения в прошлом, эти люди стремились отыскать и сообщить нам «абсолютное», идеальное содержание жизни в чрезвычайно далеких от идеала условиях общественного бытия.

Такая, по выражению Белинского, «гуманная резиньяция» перед неотвратимым ходом вещей консервирует революционно-демократический «патос» на время «заморожков» истории. Удачно прокомментировал эту мысль Лифшица Дмитрий Гутов: «Бывают такие жизненные ситуации, когда самый последовательный, глубокий протест против существующего проявляется в обратных формах, приходит в образе смирения. В эти

²⁷ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 91.

эпохи неблагоприятных внешних условий революционное содержание может быть сохранено только в состоянии анабиоза»²⁸.

Советская эпоха, при всей ее декларативной революционности, делала гуманную резиньяцию единственно возможным способом сохранения свободной мысли, а то и физического самосохранения мыслителя. Неудивительно, что все рассуждения Лифшица о матери-революции полны всепрощающей резиньяции. Да и вообще, нормальный человек скорее умрет, чем бросит камень в собственную мать, какой бы уродливой и безнравственной она ни казалась на посторонний взгляд.

Резиньяция не приводит Лифшица к практическому отказу от революционных идеалов, как это произошло с Гегелем. Разделяя с последним «горькое сознание неизбежности недемократического пути реальной истории», Лифшиц, однако, не одобряет гегелевскую трактовку «трансцендентных исторических сил» и особенно — *философское термидорианство* зрелого Гегеля. Повторяя ход социальной революции своей эпохи, его система завершается «поворотом от революции к “похмелью”, примирением с прозой буржуазного общества. В этом смысле к умственному развитию Гегеля вполне применимо фигуральное выражение о “термидорианском повороте”»²⁹.

Тщетную попытку восстановить распавшуюся связь времен умозрительными, а не революционными средствами, примирить фактически неразрешенные противоположности в «идее» Лифшиц считает прямым следствием идеализма Гегеля и ограниченности его исторической перспективы. Отсюда — строгий вердикт: «Диалектика Гегеля оставалась консервативной, идеалистической, и он в еще большей степени, чем Кант, приходит к аскетическому взгляду, согласно которому назначение человека — терпеть. Поэтому и сама ирония Гегеля над поэтической мечтой “современных рыцарей” превращается в нечто реакционное и филистерское. Историзм Гегеля, его понимание неизбежности противоречий мирового процесса, покупается ценою превращения самой истории в некий безжалостный мировой дух, давящий народы и отдельные индивидуальности, подобно колеснице Джаггернаута»³⁰.

Обиду за рыцарей революции легко понять: Лифшиц сам был одним из их числа. Но удалось ли ему лучше, чем Гегелю, связать концы с концами? Я так не думаю. Его апология революции не опиралась на исследование материальных условий и способа производства жизни. Самое большее, что смог предложить Лифшиц для объяснения революционных событий, — апелляции к «обстоятельствам» да констатации «противоречивого хода истории».

²⁸ Готов Д. Марксистско-ленинская эстетика в посткоммунистическую эпоху. Михаил Лифшиц // Свободная Мысль. 2007. № 2. С. 133.

²⁹ Лифшиц М. А. Почему я не модернист? С. 369.

³⁰ Лифшиц М. А. Поэтическая справедливость. М.: Фабула, 1993. С. 255–256.

Свой взгляд на историю Лифшиц именовал «эстетической точкой зрения». При этом история представляется практическим осуществлением *идеального*, понятого как истина реального. Так, идеал «непосредственно-общественного порядка, исключаящего борьбу эгоистических интересов», оказывается, зародился в голове Платона во времена, «когда для такого строя не было *никаких реальных условий*» (!), но сделался «исторической силой», пережившей века. То же самое говорится ниже и о мюнцеровой «идее полной социальной справедливости, далекой от практического осуществления в период детства буржуазного строя»³¹.

Подобные сюжеты не имеют ничего общего с материалистическим пониманием истории. Для Маркса история не есть осуществление наших идей на практике; наоборот, любые идеи суть лишь более или менее ясные выражения материальных производственных отношений. Идей, для которых нет «никаких реальных условий», не бывает на свете.

Конструируя свою теорию идеального, Лифшиц опять-таки апеллировал к Гегелю. Особое значение он придавал дистинкции *Ideelle* и *Ideale*. Лишь последнее *идеально* в настоящем смысле этого слова; *Ideelle* хорошо бы переводить как-то иначе — жаль, русский язык для этого не приспособлен, сетовал Лифшиц. Он почему-то был уверен, что немецкий философ видел *Ideale* везде и всюду. На этом уроке Гегеля Лифшиц, видимо, дремал. В «Науке логики» черным по белому сказано, что *Ideale* имеет значение «прекрасного и того, что к нему относится». Идеальному, в смысле Лифшица, в логике делать нечего: «здесь еще не место» для *Ideale*³². Логикам Гегель рекомендовал пользоваться термином *Ideelle*.

Категория *Ideale* передается в распоряжение *эстетики*. *Das Ideal* есть «идея прекрасного в искусстве»³³, то есть особая разновидность «идейного» — *Ideelle*: *идея* в чувственно созерцаемой форме. Никакой контрастности *Ideale* и *Ideelle* или превосходства первого над вторым тут нет и в помине. Как раз наоборот, категория *Ideelle* у Гегеля *логически чище и первичнее* одного из своих «модусов» — категории *Ideale*. Трудно поверить, что редактировавший гегелевскую «Эстетику» Лифшиц мог не знать эту прописную истину. Меж тем он не только умолчал о ней, но и записал Гегеля в свои предтечи...

* * *

До последних дней жизни Лифшиц сохранял твердую веру в социалистическую революцию и перспективу нового Ренессанса — «слияния артистически развитой культуры с глубоким, идущим снизу народным

³¹ См. Лифшиц М. А. Карл Маркс. Искусство и общественный идеал. М.: Художественная литература, 1979. С. 411, С. 426.

³² См. «Das Ideale hat eine weiter bestimmte Bedeutung (des Schönen und was dahin zieht) als das Ideelle; hierher gehört jene noch nicht; es wird deswegen der Ausdruck "ideell" gebraucht» (Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik I // *Idem*. Werke. Bd. 5. S. 165).

³³ Из заглавия части первой Лекций по эстетике: «Die Idee des Kunstschönen oder das Ideal».

движением». Интересно, что сказал бы философ, случись ему дожить до настоящего «термидора», возможность которого так решительно отвергалась им с «эстетической точки зрения». Впрочем, мать-революция впадала в кому еще в шестидесятых...

Философскую веру Лифшица не могло поколебать ничто. В темные времена советской истории он испытывал лишь «некоторое разочарование в собственных иллюзиях, что вполне закономерно. Это не было каким-то скептицизмом, напротив, это была именно утрата иллюзий, и она привела меня к *более глубокой вере*, более глубокому убеждению в том, что для достижения цели, которая была как бы центром всей моей духовной жизни, история, так сказать, заложила очень сложный и далекий вираж. И времени у нее в запасе много (курсив мой. — А. М.)»³⁴.

Блажен, кто верует...

³⁴ Лифшиц М. А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. С. 79.